

Василий Нарезный

Мария

Василий Трофимович Нарезный

Мария

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2548255

В.Т. Нарезный. Сочинения: М.; 2011

Аннотация

«Цель повести „Мария“ самая полезная. Автор хотел показать, что самое лучшее воспитание если оно не согласовано с предназначением нашим в общественной жизни, бывает для нас пагубно и что любовь, самая невинная, самая благородная, между людьми, родившимися, по-видимому, друг для друга, но в разных или, так сказать, противоположных между собою состояниях, есть ужаснейшее мучение, которое только одна смерть прекратить может». (Благонамеренный, 1824, ч. 18, с. 25).

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

15

Василий Трофимович Нарежный Мария

Один из коротких моих приятелей, прожив в северной столице нашей более двадцати лет, дослужился значащего чина и остаток дней пожелал провести в покое. Наследственную деревушку, стоящую недалеко от Полтавы, назначил он пристанищем, взял отставку, простился с друзьями и, обещая мне вести исправную переписку, пока и я не последую его примеру, отправился в дорогу.

Спустя около месяца после его отъезда я получил письмо, по прочтении которого показалось мне, что оно не без пользы и удовольствия может быть читано и другими.

Письмо это, по выпущении того, что собственно касалось до меня и его, гласит следующее:

«В двадцатой день июля, от восхода до заката солнечного, я уехал около двенадцати верст, хотя ехал беспрестанно и лошадей измучил до крайности. Бывший накануне проливной дождь, превратившийся на этот день в мелкий и частый, до такой степени перепортил дорогу, не так-то исправную и при хорошей погоде, что я решился переночевать в ближнем селе, которое показывалось около версты в сторону от большой дороги. Слуга мой и кучер единогласно одобрили это наме-

рение. Прибыв в селение, мы уведомились, что лучшего ночлега не сыщем, как в господском доме, в коем живет старый управитель Хрисанф, положивший обязанностью никому не отказывать в странноприимстве. С радостью приняли мы это предложение и въехали на господский двор. Едва приблизились к высокому крыльцу, как выскочили два работника и спросили, что нам угодно? „Отдохновения, – отвечал я, – а за издержки отблагодарю щедро“. – После этих слов один из спрашивавших скрылся, и через минуту предстал к нам старик величественного роста и вида, с седою бородой, в купеческой одежде. „Если вы, милостивой государь, – сказал он с учтивым поклоном, – не более требуете, как покоя на ночь, и надеетесь найти это в здешнем жилище, я прослаблю случай, доставляющий мне удовольствие провести с вами наступивший вечер и разделить ужин. Люди ваши и лошади также не останутся непризренными. Прошу покорно!“»

Выскочив из повозки и дав нужные приказания слуге и кучеру, пошел я за хозяином в дом и, пройдя несколько покоев, вступил в комнату, весьма хорошо прибранную, а в ней увидел покойную кровать, у окон стол с письменным прибором и в углу шкаф. «Побудьте здесь, – сказал хозяин, пока я дам нужные приказания, чтобы все довольны были. Если ж покажется скучно, то в этом шкапу найдите несколько книг, которыми можете позабавиться».

По выходе его я взял свечку, подошел к шкапу, открыл и – остолбенел от удивления: я полагал, что найду там похож-

дения Ваньки Каина, Картуша¹ и тому подобное, но – вместо того – увидел весь театр Корнеля², Расина³ и Вольтера⁴, басни Лафонтеновы⁵, полное издание Жан-Жака Руссо⁶ и лучших русских стихотворцев и прозаиков. В самом низу лежала гитара на куче нотных тетрадей. Несколько минут стоял я, не зная что и подумать о моем хозяине; наконец вынул том Лафонтеновых басен и уселся за столом.

Вскоре явился работник с самоваром, потом принес весь чайный прибор, а за ним пожаловал и управитель. Хотя во взорах его гнездилась какая-то горесть, очень ясно изображавшаяся, но он хотел казаться веселым, и я почел за неучтивость выведывать причины этой болезни душевной.

Когда прибор был вынесен и я остался один с хозяином, то не утерпел спросить: «Скажи, пожалуй, добрый старик,

¹ ...похождения Ваньки Каина, Картуша... – Ванька Каин известный вор и сыщик, живший в XVIII в. Картуш – знаменитый французский разбойник, живший в начале XVIII в. Их похождения были описаны Матвеем Комаровым в XVIII в и пользовались большой популярностью.

² *Корнель* – Пьер Корпель (1606–1684), выдающийся французский поэт и драматург эпохи классицизма.

³ *Расин* – Жан Расин (1639–1699), выдающийся французский драматург эпохи классицизма, автор многих трагедий.

⁴ *Вольтер* – Франсуа Мари Аруэ Вольтер (1694–1778), знаменитый французский просветитель, автор повестей, поэм, трагедий и трактатов.

⁵ *Лафонтен* – Жан Лафонтел (1621–1695), известный французский баснописец.

⁶ *Руссо* – Жан Жак Руссо (1712–1778), французский писатель и философ, видный деятель эпохи Просвещения.

кто читает у тебя эти книги?» Он отвечал с горькою улыбкою: «Дочь моя, Марья. Конечно, я прогневил небо, что оно покарало меня в предмете моей горячности и, даровав мне милую, добрую дочь, сделало ее несчастною!» – «Почему же? – спросил я с недоумением, – по всему кажется, что дочь твоя воспитана гораздо выше своего состояния, и неужели это могло быть причиной какого-либо несчастья?» – «Это-то самое, – отвечал старец, – погрузило ее в бездну злополучия, от коего избавится она не прежде, пока не опустится в могилу».

Я не знал, что отвечать деревенскому жителю, которого взор, голос, движения и слова казались совсем несогласными с его званием. Любопытство начало подстрекать меня, и я задумался, выискивая приличный случай спросить, не казавшись нескромным, кто он и дочь его Марья, – как в ближней комнате раздался громко женский голос: «Он приехал? где? где?» Быстро отворились двери, и молодая, прекрасная женщина, в длинном белом платье, вбежала с отверстыми объятиями. Она устремилась ко мне, но, не дошед шага на три, остановилась с трепетом и закрыла глаза руками. Я совершенно расстроился. Старик, со слезами на глазах, подошел к ней, взял за руку и сказал: «Ах, Маша! бедная Маша! сколько раз я просил тебя, чтобы ты в такую погоду не выходила из дому? Смотри, ты вся об- мокла, и руки холодны, как ледяные; поди в свою комнату и переоденься, а не то – ляг в постелю». – «Нет, – сказала она, открыв глаза и дико

улыбнувшись, – мне спать не хочется. Злые люди обманули меня; они сказали, что Аскалон сегодня непременно будет сюда, и я бросилась встретить его. Но ах! целый день бродила по проезжей дороге, а его не видала. Возвращаясь домой, мне также сказано, что он уже приехал: я обмерла от радости – и опять обманулась». Тут она тотчас взглянула на меня, отвортилась и вышла из комнаты. Отец за нею последовал.

Очень ясно увидел я, что гощу не у обыкновенных крестьян и что хотя бледная, с пасмурными взорами, в вымоченном платье, но все еще прекрасная Маша лишилась первого драгоценнейшего дара, которым провидение облагодетельствовало человека, лишилась здравого смысла или по меньшей мере расстроилась в оном.

Когда я думал и передумывал о виденном и слышанном мною, хозяин вошел, а за ним работник с чашею пунша, о чем сей час догадался я по ароматическому запаху. «Милостивый государь! – сказал он дружески, – от слуги вашего узнал я что вы довольно времени прожили в Петербурге, а потому покорнейше прошу принять приглашение мое и выпить стакан напитка, столько уважаемого на севере.

Хотя помещик этой деревни от роду в нее не заглядывал, однако приказал мне содержать весь этот дом точно в таком состоянии, как будто бы каждую минуту его здесь ожидали. Прошу покорнейше».

Когда в наших стаканах начало показываться дно, то время от времени делались мы доверчивее, чистосердечнее, и я

без дальнего предисловия сказал, что очень было б для меня желательно знать, какие обстоятельства повергли дочь его в то бедственное состояние, в каком ее видим? «Вы не ошиблись, милостивый государь, – отвечал он, – что состояние моей дочери очень бедственно; она с каждою минутой приближается к гробу, и меня туда ж влечет. Она-то может служить примером, как воспитание, данное детям выше их состояния, бывает губительно. О Маша! Если бы ты оставалась в быту крестьянском, то, наверно, была бы отрадою родителям, украшением стороны родимой, была бы благополучна, а теперь...»

Старик отер слезы, выступившие из глаз его. «Я вижу, – продолжал он, что вы любопытны знать причины несчастья, постигшего мое семейство. Повествование о горестях, нами претерпенных, облегчает тягость, обременяющую сердца наши. Выслушайте:

Я принадлежу знатному и богатому графу С. Когда он начал управлять сам своими поступками и имением, то из большого числа дворовых служителей избрал меня управителем его дома. Бесперывные занятия и хлопоты, сопряженные с этим званием, не оставляли мне времени и подумать собственно о себе и о дальнейшей судьбе своей. Радея сколько можно к пользам моего господина, я приобрел полную его доверенность; слуги его беспрекословно мне повиновались, я жил в довольстве, был здоров, спокоен в совести: чего ж не доставало к истинному счастью?

Граф от природы был кроткого, миролюбивого нрава, никогда не наказывал телесно, и в случае какого-либо проступка со стороны слуги или служанки один гневный взор его был великим наказанием; за то и служители берегли спокойствие его более собственного. Супруга графская была хотя не совсем дурного нрава, но так высокомерна, так напыщена своим сиянием, что редко кого-либо из подвластных ей людей удостоивала ласковым взглядом. Она считала их за насекомых, которых могла душить и топтать по произволу; при всем том, однако ж, как такой образ ее чувствований был всякому известен и все старались служить ей с величайшим подобострастием то все шло наилучшим образом, и в нашем многолюдном, великолепном доме было весьма покойно.

Уже Аскалону, сыну графскому, исполнилось пять, лет как сиятельный дом обрадован был рождением молодой графини, Евгении. Тогда, при одном случае, граф сказал мне: „Хрисанф! ты уже начинаешь сидеть, а все еще не думаешь приобрести удовольствие видеть возрождение свое в милых детях. Я знаю, что при всей честности твоей ты имеешь изрядный достаток, следовательно, можешь упрочить им жизнь безбедную; сверх же того, за твою усердную службу, я сделаю тебя свободным со всем будущим твоим потомством, с тем условием, чтоб ты до смерти моей служил при моем доме, ибо я привык к тебе, и мне уже трудно на место твое выбрать другого“.

Такое милостивое расположение господина показалось

для меня весьма лестным; я благодарил его чувствительнейшим образом, выбрал себе лучшую девушку во всем нашем доме, женился и чрез год обрадован был рождением дочери, этой самой Марьи, которую вы видели.

Ах! дума т ли я тогда, что она сделается источником тяжких для меня горестей! Но видно, так угодно было провидению!

Марья с самого младенчества обнаруживала кроткий., веселый ноав, покорность воле старшего и отличную чувствительность. Графиня, видя ее очень часто, ибо жена моя была при ней смотрительницей над всеми горничными женщинами и девушками, полюбила и по своей власти приставила ее непосредственно в услуги к своей дочери. Тогда Марье было от роду пять лет, Евгении шесть, а Аскалону одиннадцать.

По прошествии недолгого времени к молодой графике приставлены были учителя и учительницы; но главное воспитание предоставлено руководству славного аббата Бертольда, который воспитывал графского сына на швейцарский образец; ибо он, к несчастью, думал, что из россиянина ничего путного не выйдет, пока он предварительно в недрах своего отечества не сделается чужестранцем.

Евгения полюбила дочь мою, как сестру, и просила, чтобы им дозволено было и во время уроков не разлучаться, так как они доселе во всякое время были неразлучны.

Берточьд, как республиканец, похвалил такое благородное желание Евгении; родители дали согласие, и десять лет

прошли так, что я благословлял небо за дарованную мне покойную жизнь, за здоровье моего семейства и успехи моей милой Маши во всех упражнениях, приличных ее полу и воспитанию, превосходящему состояние родителей.

Граф Аскалон, которому уже исполнилось двадцать лет, был истинное подобие добродушного отца своего; он за правило поставил каждый день несколько раз навещать сестру свою и в обхождении не делал никакого приметного различия между ею и моею дочерью. Когда он хвалил успехи Евгении, то всегда вмешивал тут и Машу; когда приносил небольшие подарки одной, то и другая никогда забыта не бывала, и – по рассеянности своей нередко лучшие подносил последней, что бывало между ими поводом к невинным шуткам; ибо Евгения хотя была не столько простодушна и кротка, как брат ее, однако ж не столь горда и напыщена, как ее родительница; а привычка видеть дочь мою участницей во всех играх, в ученьи, в прогулках и поверенною во всех детских тайностях, в глазах всякого постороннего показывали их двумя нежными сестрами милого Аскалона. Так прошло еще около двух лет, и непредвиденная буря зашумела над головами беспечных, грянул удар грома, раздробил в корне дерево надежд наших и оставил самое горестное воспоминание. Так угодно было промыслу божию! Следуя вдохновению всемогущей моды, Аскалон должен был готовиться к путешествию по иностранным владениям, не для того, чтобы, все хорошее и все дурное чужеземное слича с хорошим

и дурным отечественным, найти способы, истребив последнее, придерживаться первого, а так: то есть мода требовала, чтоб молодой, знатный, богатый человек путешествовал вне отечества, и Аскалон должен был непременно проскакать несколько сотен миль за границу. Когда мудрый Бертольд делал самые ревностные приготовления, к общему удивлению заметили в молодом графе задумчивость, уныние, даже некоторую дикость, какой нельзя было ожидать от человека, образованного по методе Жан-Жака. Такое необыкновенное явление родители приписали необыкновенной нежности сына и не могли нахвалиться тем и тайно и явно. День отъезда назначен, и Аскалон казался совершенно потерянным.

Добродушные люди, более склонные к покою, нежели к действию, а особливо в то время, когда потребовалось бы нечто к нарушению сего покоя, не скоро могут быть взволнованы до того, чтобы дозволили себе какое-нибудь огорчение без самой важной, побудительной к тому причины. Посему граф весьма хладнокровно слушал о меланхолических проказах своего сына и ни на шаг не отступал от обыкновенных занятий, кои были весьма не мозголомны. Однако ж, к великому ужасу всего дома, накануне отъезда Аскалонова, поутру граф вышел из спальни в кабинет свой мрачен, как ненастная ночь осенняя. С негодованием выгнал он официанта, явившегося с шоколадом, и никого не допустил к себе. До двенадцати часов пробыл он в совершенном уединении.

Разумеется, что служители, в числе которых был и я, стоя

у дверей, трепетали, ибо никто не мог припомнить, чтобы граф был когда-нибудь в подобном положении. В сказанное время он позвонил, и я по обыкновению явился.

Он был бледен; мрачные взоры его устремлены были в землю, брови нахмурены; он взглянул на меня вскользь и спросил вполголоса: „Приятно ли тебе видеть меня в сем положении?“ – Я обомлел, колена мои задрожали и, припадши к ногам его, я едва мог произнести: „Ваше сиятельство! от самой колыбели и до седин я был при вас беспрерывно и никогда не имел несчастья видеть вас в такой горести, как ныне. Удостойте объявить причину оной и поискать способы истребить эту змею ядовитую!“ – „Встань, – сказал граф, ты должен узнать, да сейчас и узнаешь причину моей горести, и горести совсем не мечтательной. Ты опять изменяешься в лице? Разве ты предчувствуешь, что я хочу сказать тебе? Да! Если ты и под старость столько ж честен и предан своему господину, как был в молодости, то ты должен угадывать теперешние мысли мои! Говори, но говори истину, ложь к тебе не пристанет: что– заключаешь ты о странностях, выкидываемых с некоторого времени моим сыном?“ – „То же самое, что думает весь дом вашего сиятельства!“ – „А что заключают мои домашние?“ – „Что молодому графу тягостно расстаться с своими родителями, с ближними“. – „Да, – вскричал старик необыкновенным голосом, – ему действительно тягостно расстаться, но только не с нами, а с твоею дочерью – Марьею!“

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.